

Звонок.
— Дуров? — спрашивают.
— Дуров, — говорю, — Дуров. Что надо?

Мужик объясняет:
— Это звонят из «Совинфильма». С вами хочет встретиться Питер Устинов. Не могли бы вы...

Я перебиваю:
— У меня к вам предложение, «Совинфильм».

— Да? — заинтересовался дядька. — Какое же?

— Не пойти ли вам вместе с Питером Устиновым!.. — и уточняю, куда.

А дядька не отступает и все настаивает. Я, значит, адресую еще дальше. Слышу — он кому-то там говорит:

— Он посылает... Поговори ты с ним.

Трубку берет женщина. Ну я, конечно, опомнился.

— Простите, — говорю, — пожалуйста, я думал, это Ширвиндт или Никулин!

Она все вычислила и говорит:

— На самом деле, вас хочет видеть Питер Устинов.

И я поехал на эту встречу, ничего не понимая, зачем и что. Хотя... Драматург Питер интересный, актер замечательный и дядька, как мне было известно, хороший.

Значит, приезжаю. А этот Питер — такой огромный, как баобаб, здоровый, и бородаща на всю грудь. Он увидел меня и как заревет:

— Ле-е-ев!!!

И весь «Совинфильм» вздрогнул: мол, чего притворялся, что не знаком.

Тогда и я заорал:
— Пи-и-итер!!!

К его пупку ухом прижался. Орем. Все обалдели, думают: озверели совсем. Думают: откуда у Дурова такие связи с Англией? Кто-то смутился...

Ну, сели, чуть-чуть дали, и я спрашиваю:

— Чего тебе нужно, Питер? По-простоному его спрашиваю.

— Видишь ли, канадская телекомпания будет снимать по моей книжке многосерийную картину.

У него тогда вышла книжка «Моя Россия».

— А я при чем? — спрашиваю.

— Я, — говорит, — буду играть самого себя, Питера Устинова. А ты будешь Львом Толстым.

— Ты что, обалдел? — спрашиваю. — Какой из меня Лев Толстой? Погляди на меня получше.

— Нагляделся, — говорит. — Ты вылитый Толстой. Давай гримироваться.

Я и опомниться не успел, как гример уже взял меня в оборот. Мудрил он надо мной, мудрил, а когда закончил... нас всех разбил паралич! Меня — первого. Поглядел я в зеркало: один к одному!

— Братцы! — говорю. — Да что ж это такое? Я ведь хотел отмотаться! Куда же теперь?

И они провели опыт. Сфотографировали меня, и гример ходил с двумя фотографиями, моей и Толстого. И всех спрашивал:

— На одной фотографии не Толстой. Где не Толстой?

И все тыкали пальцем в фотографию Толстого. Хотя бы кто-нибудь ткнул в меня! Оказалось, я чуть-чуть «толстее» Толстого.

Ну, деваться было некуда, и повезли меня сниматься в Ясную Поляну. И по дороге произошла история, о которой я и хотел рассказать.

Я, конечно, при бороде. И Питер со мной. А ехали мы на «Чайке» — списанной машине начальства. На той самой, которую у нас прозвали «членовоз». А выехали мы ра-а-но! И тут посреди дороги жутко жрать за-

хотелось. Смотрю: слева сельмаг, справа — пост ГАИ. Я и говорю водителю:

— Притормози.

Он притормозил, а на посту — милиционер. Он как увидел...

Конечно, подумал, что какую-то правительственную машину пропускает, а его не предупредили. И он ссыпается по лесенке и несется к нам. А я забыл, что я — Лев Николаевич-то... Открываю дверцу и вылезваю.

Господи, что тут с бедным милиционером сделалось! У него лицо судорогой свело, вот клянусь! И слова не может сказать, только:

— Ба!.. Э!.. — и отмахивается, как от пчел.

А я решил подыграть и говорю:

— Подожди, милейший, граф есть хочет. В сельмаге есть что-нибудь?

Он трясется, как осиновый лист, и ртом воздух хватает:

— Нет!.. То есть да!

И как дунул через дорогу! Питер трясется от смеха, а я ему говорю:

— Ты молчи! Ты мой слуга из Англии.

А в сельмаге действительно — и «нет», и «да»: одни сушки. И на том спасибо. Моему «слуге» понравилось. Потом мне рассказывали, что, когда Питер улетал в Англию, он увез с собой целый чемодан этих сушек.

Между прочим, Министерству внешней торговли следовало бы задуматься над этим фактом. Не умеем мы торговать!

В общем, приехали мы в Ясную Поляну и все, что нужно было, отсняли...

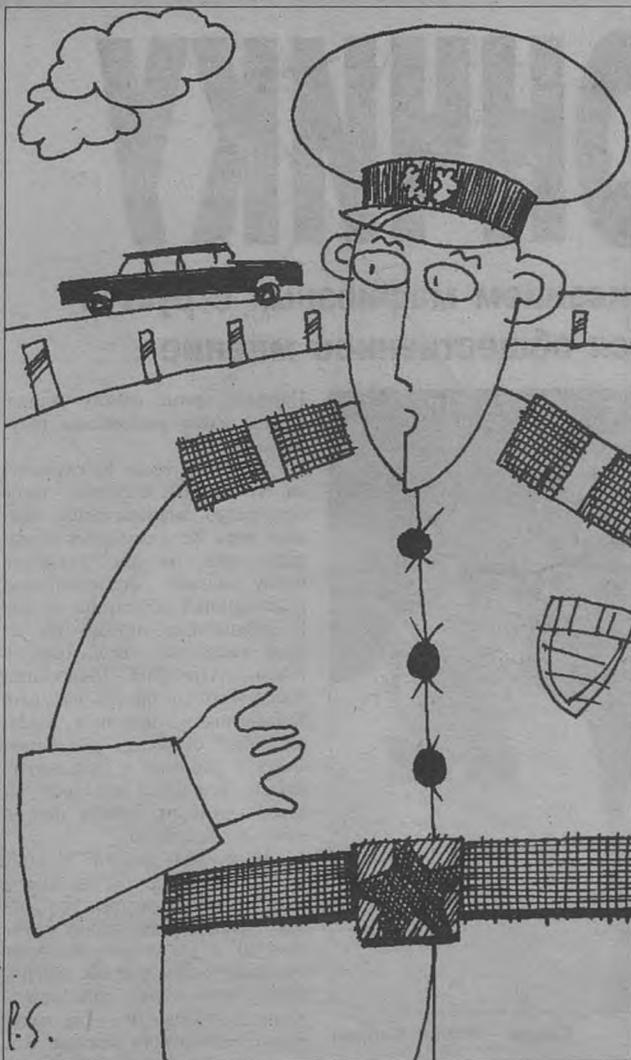
И вот возвращаемся в Москву. Глядим, на том самом посту пять милиционеров стоят.

Новая газ. - 1999 - УГОЛОК ДУРОВА
15-21 февр. - с 24

ЛЕВ ВСЕГДА ПРАВ

Истории из книги «Грешные записки»

— Питер, — говорю, — это нас ждут.

Притормаживаем, я вылезаю из машины, и гаишники начинают хохотать.

— Дуров, — говорят, — твой на бюллетеня!

— Кто это? — спрашиваю.

— Утренний. Он пришел к начальству и говорит: «С ума сошли! Толстой без охраны едет! А вы — ничего! Не приняли никаких мер!» Начальник спрашивает: «Вася, какой Толстой?» А он: «Писатель! Знать надо!» Начальник говорит: «Спокойно, Вася. Сними портупею, слай оружие...» Разоружили его на всякий случай, позвонили домой и сказали: «Клава, твой — плохой, едет домой, вызывай врача». Выяснилось, что у него был нервный шок. Дали бюллетеня на десять дней.

Но оказалось, что это еще не конец истории. Когда Питер Устинов был уже в Англии, в журнале «Иностранная литература» вышел его рассказ «Лев Толстой и милиционер». Рублей семь, наверное, получил за него.

А после того как у них там, в Англии, показали по телевидению сериал, мне прислали оттуда газету с рецензией. Серия, где я снимался в Ясной Поляне (она называлась «Бородино»), была признана лучшей. Пустячок, а приятно. А что? Не было бы Васи и сельмага с сушками на тульской земле, я, может, не вошел бы так органично в образ великого писателя.